

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ

**МИФЫ
О «ПОКОЛЕНИИ Z»**

*Серия
Современная аналитика
образования*

№ 1 (22)

УДК 316.454.3
ББК 60.54
Б 73

Сопредседатели редакционного совета серии:

Я.И. Кузьминов, к.э.н., ректор НИУ ВШЭ;
И.Д. Фруммин, д.п.н., научный руководитель Института образования НИУ ВШЭ

Руководитель Комитета по выпуску серии: М.А. Новикова

Рецензент:

Е.С. Павленко

Авторы:

Н.В. Богачева, Е.В. Сивак

Авторы благодарны Е.С. Павленко, И.Д. Фрумину, В.А. Болотову, К.Н. Поливановой и А.К. Нисской, чьи комментарии и советы помогли улучшить работу.

Мифы о «поколении Z» / Н. В. Богачева, Е. В. Сивак; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. — М.: НИУ ВШЭ, 2019. — 56 с. — 200 экз. — (Современная аналитика образования. № 1 (22)).

В выпуске рассматриваются наиболее устойчивые, распространенные и претендующие на универсальность представления о поколении современных подростков (так называемом «поколении Z»). Цель работы — проанализировать, насколько обоснованы эти представления и выделение современных подростков в отдельное поколение. Показываются, что ряд приписываемых подросткам особенностей (как, например, снижение способности мыслить критически) не подтверждены данными, или же результаты исследований противоречивы; что некоторые особенности присущи подросткам в целом (например, более низкий, чем у взрослых, уровень развития произвольного внимания) и не уникальны для «поколения Z»; что отдельные характеристики являются, скорее, реакцией на современную среду (многозадачность) и характерны как для взрослых, так и для подростков. Таким образом, сегодня нельзя с уверенностью делать выводы о поколенческой специфике современных подростков: особенности поведения, установок, ценностей могут быть обусловлены средой или возрастом и измениться по мере взросления.

Содержание

Введение. Теория поколений, постановка проблемы и предмет исследования.....	4
1. Мифы о «поколении Z» в представлении разных авторов	11
2. Специфика когнитивной сферы «поколения Z».....	16
3. Личностная и ценностно-смысловая сфера «поколения Z»	23
4. Эмоциональная специфика «поколения Z»	27
5. Навыки работы с цифровыми технологиями.....	30
6. Общение в эпоху цифровых технологий.....	31
7. Подведение итогов.....	34
Заключение.....	36
Приложение	40
Список литературы	44

Введение. Теория поколений, постановка проблемы и предмет исследования

В повседневной речи мы часто используем термины, взятые из тех или иных научных дисциплин, даже не замечая этого. Один из таких терминов — понятие «поколение», которое нередко используется для того, чтобы, например, подчеркнуть отличие современной молодежи от своих родителей, не говоря уже о бабушках, дедушках или более дальних предках. Совершенно очевидным для обывателя (по крайней мере, на первый взгляд) является смысл словосочетания «конфликт поколений», и большинство людей хотя бы раз произносили фразу «в их возрасте мы такими не были» (или «не будем»), а также в целом согласны с тем, что современная молодежь — это «другое поколение». Значительно меньше людей задумываются, где именно проходит (если вообще проходит) граница, отделяющая одно поколение от другого, сколько лет должно пройти, чтобы «поколение сменилось», и можно ли вообще говорить о подобной смене, учитывая, что развитие человека и общества осуществляется непрерывно и постоянно?

Цель данной работы — выделить наиболее устойчивые и распространенные представления о поколении современных подростков, претендующие на универсальность, однако носящие характер популярного знания, не проверенного или не поддающегося эмпирической проверке (далее — «мифы»), и попытаться сопоставить эти представления с данными существующих научных исследований и теоретическими положениями современной науки.

Сформулируем круг исследовательских вопросов по изучаемой теме.

1. Можно ли говорить о поколенческой специфике современных подростков, а именно о наличии у них общих устойчивых поведенческих особенностей, ценностей и установок, отличающих их как от подростков, живших в другое время, так и от старших современников?

2. Возможно ли объяснить особенности современных подростков средой, в которой они живут (и на которую сходным образом реагируют и современные взрослые), или спецификой подросткового возраста в целом? Иными словами, не наблюдается ли в случае с представлениями о «поколении Z» своего рода фундаментальная ошибка атрибуции, когда поведение

подростков объясняют их особенностями как поколения, а не внешними обстоятельствами?¹

Для достижения цели работы необходимо решить ряд задач.

1. Определить границы применения термина «поколение» в современной популярной и научно-популярной литературе, в особенности по отношению к подросткам; выделить сходные термины («поколение Z», «iGen», «цифровое поколение» и др.) и критерии их использования различными авторами.

2. Обозначить целесообразность самого применения подобных терминов для описания изучаемой возрастной группы и указать на существующие с научной точки зрения ограничения и риски применения подобных классификаций.

3. Собрать и классифицировать так называемые «мифы» о рассматриваемом поколении из отечественных и зарубежных популярных и научно-популярных источников и выделить наиболее распространенные из них.

4. Проанализировать научные исследования, позволяющие проверить и поддержать, либо опровергнуть состоятельность выделенных ранее «мифов».

5. Систематизировать полученные знания и оценить, насколько, с точки зрения научных исследований, обоснованно разграничение между «поколением Z» и его предшественниками.

Остановимся также на *ограничениях* работы: мы рассматриваем данные и исследования из области психологии и некоторых смежных наук, однако подробный научный анализ исторической литературы, социологических и экономических теорий выходит за рамки нашего исследования. В связи с этим возникает определенное противоречие, поскольку сама по себе теория поколений принадлежит области социологии, а также нередко рассматривается в контексте экономических и маркетинговых исследований. При этом в мифах о так называемом «поколении Z» изучаются, зачастую без достаточных оснований, особенности протекания психических процессов, что относится к области психологических знаний и позволяет решать задачи нашего исследования. Таким образом, далее речь пойдет преимуще-

¹ Фундаментальная ошибка атрибуции (англ. fundamental attribution error) — тенденция придавать большее значение личностным (диспозиционным) факторам и игнорировать ситуационные влияния при описании людей и их поведения, а также интерпретации причин поведения (Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003).

ственно о психологических особенностях «поколения Z» и соответствующих ему «мифах».

Термин «поколение Z» используется сегодня достаточно широко как в популярной, так и научной литературе. Однако, говоря о «поколении Z» (а также «поколении X, Y, Миллениалах» и т. д.) как о неких общемировых закономерностях развития социума, мы вольно или невольно делаем отсылку к теории поколений, созданной американскими учеными — демографом и экономистом Нилом Хоу и историком, драматургом и писателем Уильямом Штрауссом. В 1991 г. в своей первой совместной работе они предложили собственную интерпретацию истории США, основанную на циклической смене поколений и жизненных фаз: детства, молодости, зрелости и старости [Generations, 1991]. Само по себе понятие «поколение» распространено в социологии и науках гуманитарного профиля. Так, М.Б. Глотов определяет поколение как «объективно складывающуюся социально-демографическую и культурно-историческую общность людей, объединенных границами возраста и общими условиями формирования и функционирования в конкретно-исторический период времени» [Глотов, с. 42]. Даже поверхностный анализ литературы показывает, что проблема исследования поколений разрабатывается по меньшей мере с XIX — начала XX века в работах таких авторов как К. Маннгейм, Х. Ортега-и-Гассет, Х. Мариас, Г. Маркузе и др. Несмотря на то, что Хоу и Штраусс также опирались на эти и другие источники, их теория поколений, являясь значимым элементом научно-популярного знания, принимается академическими учеными с критикой и оговорками.

Материалы прессы зачастую более категоричны: публицисты указывают на отсутствие в основе работ Хоу, Штраусса и их последователей эмпирических данных, приводят критические оценки со стороны академических ученых, высказываются о потенциальном вреде стереотипизации целого поколения или поколений для образования, рынка труда [Hoover, 2009] и даже политических и социальных процессов [Fernholz, 2017].

В задачи работы не входит «разоблачение» методологии Хоу и Штраусса или других авторов популярных теорий поколений, однако представляется необходимым уточнить, что «поколение Z», «iGen», «цифровые аборигены» («Digital Native») не столько представляют собой термины академической науки, имеющие четкие определения и опирающиеся на эмпирические исследования, сколько принадлежат к области популярного знания, размыты, нередко используются некритично и без понимания стоящей за ними методологии.

Некоторые академические авторы достаточно активно применяют терминологию Хоу и Штраусса (см., например [Солдатова и др., 2017]). В этом случае «поколение» заведомо выступает как выстраиваемая теоретическая конструкция, не претендующая на точное отражение реальности и используемая для дальнейшего эмпирического анализа. В этом случае однако уже нельзя говорить о каких-то четких границах этого поколения или о том, что с возрастом его представители сохраняют характерную для них специфику психики и мышления (большинство окружающей «поколение Z» «мифологии» как раз-таки настаивает на том, что отличия будут сохраняться и даже усиливаться со временем). Далее в данной работе будет представлена некоторая интерпретация того, почему «мифы» о каждом поколении являются столь живучими по сравнению с более доступными, казалось бы, для проверки научными методами. На данном этапе, однако, необходимо так или иначе обозначить предмет данного исследования.

Что такое «поколение Z»? В глоссарии к своей книге Хоу и Штраусс определяют «поколение» как «когортную группу, (временная) продолжительность которой приближается к продолжительности фазы жизни, границы которой фиксированы личностью сверстников» [Generations, p. 429, перевод Н. Богачевой]. Иными словами, речь идет о людях, родившихся в 20-летнем интервале (продолжительность каждой из выделяемых в работе «фаз жизни»), определяемом некоторыми историческими событиями. Помимо годов рождения, люди одного поколения прошли социализацию в рамках общего исторического контекста, а также характеризуются наличием общих убеждений, сходного поведения, ощущения принадлежности к одной социальной общности. Теория поколений, изначально разработанная на базе американской истории и, как следствие, применимая только к жителям США, позднее в той или иной степени была перенесена и на другие страны. В России попытки адаптировать теорию Хоу и Штраусса предпринимались неоднократно в рамках как популярных проектов, так и научных работ. Примерами могут служить: проект Rugenerations², статьи Е.М. Ожигановой [Ожиганова, 2015], работа И.П. Дьяченко под руководством Т.Г. Дулинец [Дьяченко, 2013]. Большинство авторов признают потенциальную применимость теории поколений к России, варьируются лишь некоторые временные рамки и представление о специфике поколений советского периода по отношению к поколениям западных стран. Для поколений Z и Y («Миллениалы», люди, рождавшиеся с начала 80-х до начала нуле-

² <https://rugenations.su/>

вых) исторические условия развития считаются схожими во всем мире, что позволяет использовать в данном анализе результаты как отечественных, так и зарубежных исследований (см., например, интервью Евгении Шамис, основателя проекта Rugenerations.su³; аналогичные выводы делаются и в других приведенных ранее статьях).

Наряду с «поколением Z» Хоу и Штраусса, существуют и другие «поколенческие» теории, описывающие специфику современных подростков: «iGen» американского психолога Джин Твендж [Twenge, 2017], «Цифровые аборигены» (поколение «Digital Native») Марка Пренски, противопоставляемые «цифровым иммигрантам» из предыдущих поколений [Prensky, 2001]. Твендж выделяет схожие с теорией Хоу и Штраусса границы поколений, однако подчеркивает постепенный, размытый характер перехода между ними. Как Твендж, так и Пренски рассматривают специфику нового поколения как следствие развития и распространения информационных технологий (для Твендж это смартфоны, для Пренски — цифровые технологии в целом). В теории Хоу и Штраусса большая роль отводится цикличности исторического процесса, при этом «поколение Z» в той или иной степени должно повторить судьбу так называемого «молчаливого» поколения 1925–1942-го годов, получившего свое название за сосредоточенность на личных достижениях и низкий уровень активизма. В качестве временных границ «поколения Z» рассматриваются: 1995–2012 гг. [Twenge, 2017]; 2000–2020 гг. [Ожиганова, 2015]; 2003–2023 гг. [Rugenerations...]. Это означает, что в трактовке Твендж самым старшим iGen-ам исполнилось 23 года, а по версии Generation.su — только 15 лет. В первом случае в фокусе исследования оказываются молодые взрослые, студенты, и все, кто младше; во втором — только подростки и дети. С точки зрения возрастной психологии это означает, что в настоящий момент границы поколения включают несколько возрастных стадий, характеризующихся разной ведущей деятельностью [Эльконин, 1971], психологическими новообразованиями, кризисами и идентичностью [Эриксон, 2006], что создает дополнительные трудности для анализа их, поколений, возможной психологической специфики.

Психологическая специфика разных возрастов описывается во многих теориях в рамках возрастной психологии и психологии развития. В задачи данной работы не входит их подробное рассмотрение, однако отметим

³ <<https://inde.io/article/16113-ekspert-po-teorii-pokoleniy-evgeniya-shamis-zavesti-smartfon-putinu-vse-zhe-nuzhno>>.

некоторые существенные моменты, которые необходимо учитывать при дальнейшем сопоставлении «поколений». В рамках деятельностного подхода, развиваемого в советской и российской психологии в школе А.Н. Леонтьева, развитие ребенка рассматривается как смена ведущих деятельностей [Эльконин, 1971]. Под ведущей деятельностью подразумевается такая форма деятельности, которая определяет наиболее важные изменения в психике и особенностях личности на том или ином этапе развития. Ведущей деятельностью младших школьников принято считать учебную, младших подростков — интимно-личностное общение со сверстниками, старших подростков — учебу с позиции подготовки к будущей профессии. Каждая из этих деятельностей по-своему направляет развитие психики ребенка и ведет к формированию тех или иных ее особенностей. Например, мировоззренческие вопросы и дальние горизонты планирования будущего начинают играть существенную роль в жизни старшего подростка, но еще недостаточно сформированы на более ранних этапах. Иными словами, от подростков 15–17 лет стоит ожидать обдумывания тех или иных отдаленных планов и целей, в то время как в возрасте 11–14 лет они куда более заинтересованы в социальных связях, а на основании отраженной самооценки у них развивается самоотношение и навыки личностной рефлексии. На наблюдателя, занимающего позицию взрослого, это может производить впечатление «эгоцентризма», сосредоточенности на собственном «Я», только-только ставшем доступным для полноценного осознания и оттого столь важным.

Другими авторами реализуются иные подходы к развитию психики и личности ребенка. Так, по Э. Эриксону, подростковый возраст, который все больше удлиняется с прогрессом общества и технологий, характеризуется поиском пути для реализации своих возможностей, а также своей идентичности во всех ее формах — профессиональной, сексуальной и т. д., то есть это этап примеривания на себя стереотипов или отказа от них [Эриксон, 2006]. Кроме того, по некоторым данным, развитие и созревание нервной системы и головного мозга продолжается вплоть до 25 лет. Особенно значимые изменения с начала подросткового периода и до ранней зрелости происходят в префронтальной коре больших полушарий (лобных долях мозга), отвечающей за комплексное управление мышлением, планирование, волевой контроль [Araïn et al., 2013].

Таким образом, во-первых, «поколение Z» в 2018 г. является внутренне неоднородным в силу объективных психологических причин, а к его харак-

теристикам, в случае выявления таковых, будет примешиваться возрастная специфика, которую необходимо учитывать при оценке и интерпретации исследований. Во-вторых, важно помнить, что значительная часть представителей этого поколения еще не достигли взрослого возраста, их развитие еще продолжается. Поэтому говорить о том, какими будут их предпочтения, привычки, когнитивные возможности и нравственные ориентиры в зрелом возрасте, еще преждевременно, равно как и методологически неверно сравнивать их с взрослыми представителями предыдущего поколения без учета еще продолжающегося развития.

Структура работы: в этом разделе были рассмотрены некоторые теоретические положения теории поколений Штраусса и Хоу, а также обозначены вероятные направления для их критики и анализа, выделены предполагаемые границы так называемого «поколения Z». В последующих разделах будут представлены основные «мифы» об этом поколении из научных и популярных источников и представлены исследования, подтверждающие или опровергающие их. Ввиду того, что один из авторов работы является психологом, наиболее удобным представляется разделение «мифов» и исследований по условно выделяемым аспектам психики человека: когнитивным функциям, эмоциональной сфере, личностной специфике и т. д. В заключительной части работы будет предпринята попытка итоговой систематизации результатов анализа работ, а также представлены теоретические основания популярности теории поколения и размышления о том, насколько безобидно, с научной точки зрения, создание «мифов» о крупных социальных группах.

1. Мифы о «поколении Z» в представлении разных авторов

Рассмотрим различные перечни «мифов» о современных подростках и молодых людях, представленные в отечественных и зарубежных источниках — как претендующих на научность, так и сугубо популярного характера, поскольку и те и другие могут влиять на формирование общественного мнения и «мифов» о «поколении Z».

Утверждения ряда авторов о том, что «поколение Z» является первым или одним из первых глобальных для всего мира поколений, позволяет, на наш взгляд, сравнивать перечни «мифов», составленные в разных странах (подобной позиции придерживаются, в частности, проект RuGenerations в России, Törőcsik [Törőcsik, M., Szucs K., 2014] в Венгрии и др.). Большинство рассмотренных в этом разделе списков представлены в активно цитируемых и обсуждаемых монографиях или статьях, либо ссылаются на исследования крупных компаний, специализирующихся на сборе социологических данных. В списках также приводятся факторы, которые могут, по мнению авторов, определять возникновение той или иной специфики «поколения».

1. «iGen» Д. Твендж [Twenge, 2017], США:

- Большая физическая безопасность: менее склонны попадать в аварии, не участвуют в вечеринках, употребляют меньше алкоголя, менее склонны к раннему сексу и беременностям, реже убивают друг друга.
- Психологические риски: более склонны к депрессиям и суицидам, менее счастливы.
- Психологически незрелые, инфантильные, не готовы к взрослой жизни.
- Меньше вовлечены в отношения со сверстниками, как дружеские, так и романтические.

Фактор, определяющий специфику поколения: появление и массовое распространение смартфонов.

Перечень базируется на данных статистических опросов, в том числе ежегодной статистике национального Центра по контролю заболеваний США, информирующей о различных рисках для жизни и здоровья подростков; личных наблюдениях.

2. «Цифровые аборигены» Пренски [Prensky, 2001], США:

- Специфика работы мозга: высокая скорость, интерактивность (требуется немедленный ответ на любое действие), хорошо играют в игры, но не могут читать книги.

- «Гипертекстовое мышление» как параллельная переработка информации вместо последовательной. Многозадачность.
- Развитое пространственное мышление, зрительно-пространственные навыки, когнитивные карты, распределение внимания, способность к индуктивному мышлению (от наблюдений — к гипотезам и знаниям), но сниженная способность к рефлексии и критическому мышлению.
- Умение обращаться с цифровыми технологиями лучше любого «взрослого».

Фактор, определяющий специфику поколения: компьютерные игры и видео.

Перечень базируется на личных наблюдениях со ссылкой на нейропсихологические работы разных авторов.

3. «Поколение Z» (по версии К. Симиллер и М. Грейс [Seemiller, Grace, 2015]), США):

- Избыточные цифровые связи
- Менее склонны к риску и «бунту»
- Находятся под влиянием родителей и ровесников
- Тревожны и озабочены разными проблемами
- Открыты новому и ответственны
- Стремятся к успеху
- Предприимчивы и изобретательны
- Не заинтересованы в политике
- Настроены изменить общество
- Обучаются самостоятельно
- Являются частью различных социальных кругов
- Либеральны в социальном плане
- Финансово умерены до консерватизма
- Используют YouTube для обучения
- Способны к коммуникации через картинки
- Боятся «застрять» на не приносящей радости работе
- Опасаются за свою финансовую безопасность
- Кураторы собственной идентичности

Факторы, определяющие специфику поколения: развитие искусственного интеллекта и нанотехнологий, глобальные угрозы: терроризм, изменения климата; наличие альтернативных объяснений для многих явлений; не помнят мира без планшетов и телефонов.

Перечень базируется на проведенном самими авторами опросе более 750 студентов из 15 учебных заведений в США, данных других крупных опросов.

4. Онлайн-ресурс «МЕЛ» (Россия)⁴ о современном российском подростковке:

- Гордость тем, что он ребенок
- Осознание своего гендера в раннем возрасте, а в подростковом переход к «унисексу»
- Поиск выгоды из дружбы с родителями
- Крайнее разнообразие (и неустойчивость) интересов
- Социализация через социальные сети
- Постоянное желание развлекаться
- Некритичное отношение к информации
- Страх перед свободой выбора
- Отношение к умеренности как к достоинству

Факторы, определяющие специфику поколения: «эпоха интернета и смартфонов», специфика образа жизни, воспитания, исторические события.

Перечень базируется на данных социологов и психологов, со ссылкой на социологическую компанию ValidataKIDS и психологический центр «Точка».

5. «Поколение Z» (по версии Huffington post [Beall, 2016]), США:

- Менее сфокусированны, то есть меньше удерживают внимание на объекте, быстрее обрабатывают и «обновляют» информацию
- Лучшие мультитаскеры
- Рано начинают: идут работать вместо того, чтобы учиться, занимаются самообразованием.
- Предпринимательская жилка – подростки считают, что откроют свой бизнес, когда вырастут
- Имеют больше ожиданий, чем прошлое поколение, рассчитывают на то, что подстроятся под них, а не наоборот
- Индивидуальность имеет большое значение
- При этом более одинаковые во всем мире, по мнению своих родителей
- Зависимы от гаджетов

Перечень базируется на ряде опросов, а также некоторых перечисленных ранее работах, с привлечением в качестве экспертов маркетологов и бизнес-консультантов.

6. «Поколение Z» (по версии Сбербанка [Сообщество внутренних коммуникаторов, 2017], Россия):

- «Рождены с кнопкой на пальце», доминирование онлайн-реальности и высокий уровень владения технологиями

⁴ <https://mel.fm/podrostki/1385209-new_generation>.

- Воспринимают только краткую и наглядную информацию
- Отсутствие долгосрочных трендов (быстро меняется мода, исчезает постоянная лояльность брендам и стилям одежды)
- Конфликт поколений смазан: родители выстраивают партнерские отношения с детьми
- Взрослые не являются абсолютным авторитетом
- Отсутствие навыков решения проблем реальной жизни из-за гиперопеки родителей
- Не могут без социального взаимодействия: не любят и не могут быть одни
- Уверены в собственной исключительности. Не видят себя единым поколением и не замечают того, что их объединяет
- Однородны: тотальное следование рекомендациям онлайн-СМИ, отсутствие ярко выраженных субкультур
- Не верят в постепенное достижение успеха
- Тихое сопротивление, а не открытый бунт
- Традиционный взгляд на взаимодействие полов и распределение ролей в семье
- Установка на поиск своего пути, гедонизм, индивидуализм и самосовершенствование
- Работа должна быть в радость и приносить доход, но не отнимать много времени
- Жажда похвалы и признания
- Страх разочаровать родителей
- Боятся делать выбор
- Боятся «обычной» жизни без спонтанности, интенсивных переживаний и ярких впечатлений
- Минимальный горизонт планирования

Перечень базируется на социологическом опросе, выполненном коммерческой маркетинговой компанией Validata, специализирующейся на проведении социологических опросов.

Как можно заметить, выделяемые разными авторами характерные черты «поколения Z» весьма разнообразны и относятся к разным областям психической жизни и повседневной деятельности подростков. Примечательным является то, что в работах американских и отечественных авторов эти черты не слишком различаются, что может свидетельствовать как о действительной однородности «поколения Z» в разных странах, так и о некритичном заимствовании некоторых пунктов.

Для данного исследования наибольший интерес представляют те характеристики, которые: а) встречаются наиболее часто (и в этом отношении характеризуют «мифы», а не частные мнения авторов), б) противоречивы (например, представление о «гедонизме» подростков (список 7) противоречит утверждению об их «умеренности» (списки 3, 4), в) в целом доступны для проверки не только с помощью социологических опросов и экспертных мнений (на основе которых изначально построены большинство подобных списков). Представим основные, на наш взгляд, характеристики в таблице 1 (предложенное деление является довольно условным и не претендует на всеохватность).

Таблица 1. Мифы о «поколении Z»

Когнитивная сфера	Личность	Ценностно-смысловая сфера
<ul style="list-style-type: none"> • Многозадачность • Трудности удержания внимания • Снижение критичности мышления 	<ul style="list-style-type: none"> • Инфантилизм ИЛИ • Ответственность • Прагматизм • Индивидуализм • Гедонизм ИЛИ • Умеренность 	<ul style="list-style-type: none"> • Достижение успеха
Эмоциональная сфера	Особые навыки	Социальные связи
<ul style="list-style-type: none"> • Депрессия • Тревога 	<ul style="list-style-type: none"> • В совершенстве владеют современными информационными технологиями 	<ul style="list-style-type: none"> • Меньше общаются с родителями и сверстниками ИЛИ • Очень общительны, не могут быть наедине с собой

Более подробное описание этих характеристик и их исследования представлены в последующих разделах.

2. Специфика когнитивной сферы «поколения Z»

Многозадачность. Феномен «многозадачности» или «мультизадачности» активно изучается психологами по меньшей мере с середины 90-х годов. Под этим термином подразумевается одновременное выполнение нескольких задач либо быстрое переключение между ними [Lin, 2015]. Исследования показывают, что ключевыми характеристиками успешного мультизадачника являются рабочая память (способность удерживать в голове информацию, которая нужна для осуществления текущей деятельности), флюидный интеллект (скорость и точность обработки информации) и произвольное внимание [Redick et al., 2016]. Даже успешная многозадачность чревата снижением глубины переработки информации, более быстрым забыванием содержания выполняемых задач, увеличением временных затрат по сравнению с последовательным выполнением действий [APA, 2006]. Высказываются опасения, что систематический мультизадачник может приводить к избыточной нагрузке на нервную систему, способствовать большей отвлекаемости при выполнении любой деятельности, снижать способность к восприятию эмоций [Смолл, Ворган, 2011; Ophir et al., 2009].

Нейропсихологи выявили структурные отличия мозга людей, в большей и меньшей степени склонных к «цифровой» (связанной с современными технологиями и их совмещением) многозадачности. В узком смысле слова под цифровым мультизадачником подразумевается совмещение нескольких технологий, например, просмотр фильмов одновременно с работой или игрой за компьютером, как, например, в работе Фоер [Foehr, 2006]. В широком смысле речь может также идти об использовании технологий параллельно с другими видами деятельности, или даже мультизадачник в рамках одной технологии, например, просмотр новостей, где одновременно необходимо слушать диктора, следить за бегущей строкой внизу экрана, погодой или биржевыми котировками в углу и т. д. [Greenfield, 2009].

У заядлых цифровых мультизадачников снижен объем серого вещества в зоне мозга, отвечающей за когнитивный и эмоциональный контроль. Исследование, впрочем, не позволяет установить причинно-следственные связи, так что остается неясным, влияет ли цифровой мультизадачник на объемы мозга или специфика строения мозга — на склонность к многозадачности [Loh, Kanai, 2014]. При этом, вопреки распространенному мнению, мульти-

таскинг среди детей и подростков не носит всеобъемлющего характера: в 2006 г. среди школьников 8–18 лет в США 19% ни разу в течение недели не использовали «цифровой» мультитаскинг; еще около 20–30% редко совмещали несколько медийных технологий одновременно, 24–39%, напротив, делали это всегда (процент варьировался в зависимости от типа заданий) [Foehr, 2006]. При этом с 1999 по 2009 г. объем цифрового мультитаскинга у молодежи вырос почти вдвое ([Uncapher, Wagner, 2018], исследование также проведено в США).

В качестве сравнения приведем студенческое исследование 2014 г., курируемое Стэнфордским университетом: среди 406 учащихся, средний возраст которых составил 14,5 лет, 15% попали в группу «активных мультитаскеров», проводящих примерно 3 часа в день в условиях многозадачности, в том числе при подготовке к занятиям; еще 12%, напротив, использовали мультитаскинг всего 20 минут в день и никогда — во время выполнения домашнего задания. Было показано, что при выполнении простых задач в условиях отвлечения «активные мультитаскеры» в действительности справлялись лучше, чем остальные испытуемые, что позволяет говорить об их хорошей адаптации к «цифровой многозадачности» [Caulfield, Ulmer, 2014].

Обзор исследований цифрового мультитаскинга у подростков, проведенный в 2018 г. [Uncapher, Wagner, 2018], выделяет такие проблемные области исследований в этой сфере, как изменение объемов рабочей памяти, способность противостоять интерференции (помехам со стороны посторонних стимулов), скорость переключения между разными задачами; изменения в долговременной памяти и т. д. Вместе с тем, результаты приведенных исследований противоречивы. Так, примерно в половине рассмотренных авторами работ указывается на снижение объемов рабочей памяти у заядлых цифровых мультитаскеров, в другой половине работ связи отсутствуют. В большинстве же исследований (однако не во всех) говорится об эффекте снижения показателей внимания, однако указывается, что он может быть преодолен специальными тренировками. В отношении скорости переключения между задачами существуют как данные о большей продуктивности цифровых мультитаскеров, так и обратные им результаты. Что касается долговременной памяти, то исследования показали снижение по некоторым тестам у взрослых мультитаскеров, но не у подростков, и т. д. Таким образом, несмотря на большое количество работ в этой области, сегодня все еще нельзя говорить о каких-то очевидных последствиях влияния цифрового мультитаскинга на когнитивную продук-

тивность подростков; однако стоит учитывать, что такая форма деятельности является довольно популярной у этой возрастной группы.

Еще одно исследование, проведенное в США, показывает, что женщины 22–30 лет успешнее справляются с многозадачностью, то есть быстрее и точнее решают предложенные им задачи в условиях высокой когнитивной нагрузки, нежели девочки-подростки 11–17 лет, при учете равного уровня невербального интеллекта в обеих группах [Mills et al., 2015].

Таким образом, во-первых, хотя процент медийных (цифровых) мультитаскеров среди подростков и вырос по сравнению с концом 90-х годов, с 2006 по 2014 г. он оставался достаточно стабильным (по крайней мере, в США), что, скорее, указывает на сходство «поколения Z» и «поколения Y» в этом вопросе. Во-вторых, показано, что подростки справляются с одновременным выполнением некоторых задач хуже, чем взрослые, — это может быть связано с еще не в полной мере развитыми функциями когнитивного контроля и рабочей памяти. В-третьих, мультитаскинг, возможно, не самое полезное и эффективное условие выполнения деятельности, в особенности обучения, но он и не специфичен для современных подростков по сравнению с подростками примерно 10-летней давности.

«Миф» упоминается преимущественно в западных исследованиях, проверяется с помощью работ зарубежных авторов (США); исследования и характеристика «многозадачность» упоминаются в отечественных работах [см. напр. Солдатова и др., 2017].

Проблемы с вниманием. Говоря о внимании современных подростков, обычно подразумевают только один из его видов — *произвольное внимание* (в терминах зарубежной психологии речь часто идет также об «attention span» — времени, в течение которого человек способен выполнять ту или иную задачу, не отвлекаясь). Произвольное внимание является важным индикатором развития у детей начиная с дошкольного и младшего школьного возраста, когда появляется необходимость в произвольной и волевой регуляции своей деятельности, в частности, учебной; при этом, однако, возможность развития произвольного внимания также связана с созреванием мозговых структур, осуществляющих функции контроля [Сабанин, 2014]. В 2015 г. Microsoft якобы обнародовала результаты своего исследования, согласно которому среднее время удержания произвольного внимания в 2015 г. сократилось по сравнению с 2000 г. на 4 секунды

и составило примерно 8 секунд, что меньше, чем способность удерживать концентрацию внимания у золотой рыбки. Причиной этого были названы современные цифровые технологии. В 2017 г. *BBC News* обратили внимание на то, что найти это исследование, и тем более связать его с работой *Microsoft* не представляется возможным [BBC, 2017]. Восьмисекундный интервал внимания все же существует — речь идет о времени, в течение которого человек способен фиксировать взгляд на объекте, не отрываясь, и не сталкиваясь с появлением мыслей о чем-то другом. Однако подобная минимальная расфокусировка, как правило, не приводит к выраженному снижению концентрации. В норме же концентрация внимания на объекте составляет от 3–5 минут у годовалого ребенка до 20 минут у взрослого — эти данные представлены в работе 2009 г. [Cornish, Dukette, 2009]. В 2017 г. в английской прессе снова появилась информация о снижении длительности произвольного внимания — на сей раз до в среднем 14 минут, со ссылкой на Стейси Стофард и финансовую компанию *Skipton Building Society* ([Independent, 2017], Великобритания). Однако найти академическую публикацию или первоисточник этих данных также не представляется возможным.

На фоне этих работ можно обратить внимание на исследования произвольного внимания у младших школьников, выполненное в Москве [Сабанин, 2014] и показавшее, что 18% учащихся 9–10 лет (выборка составила 216 человек) имеют большой объем внимания; еще 67% — средний; 60% демонстрируют наивысший уровень развития словесно-логического мышления; однако у 59% слабо развита концентрация внимания. В российском исследовании старших дошкольников 2018 г. [Мельник, Декина, 2018] получены в целом схожие результаты, однако в исследовании участвовали всего 28 детей 6–7 лет. Еще в одном российском исследовании дошкольников с маленькой выборкой (14 детей 4–5 лет) также было показано преобладание у них высокого и среднего (для указанного возраста) уровня развития произвольного внимания [Малкова, 2016].

Данные исследований роли цифровых технологий в формировании специфики внимания у детей и подростков также остаются противоречивыми. Одни ученые связывают ухудшение внимания у детей и подростков 8–17 лет с игрой в компьютерные игры и даже рассматривают их как причину распространения синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) ([Gentile et al., 2012], США). Другие демонстрируют, что по уровню развития многих показателей зрительного внимания играющие в компьютерные игры дети и подростки 7–17 лет обгоняют своих сверстников ([Dye, Bavelier, 2010], США).

Таким образом, необходимо понимать, что, во-первых, уровень развития произвольного внимания у детей и подростков в целом ниже, чем у взрослых, и это связано с естественным созреванием различных мозговых структур и формированием высших психических функций. Во-вторых, данные, указывающие на снижение уровня произвольного внимания во всей популяции, носят непроверенный характер. Более того, любая информация о масштабных опросах в этой сфере нуждается в критическом осмыслении, поскольку диагностика произвольного внимания является достаточно трудоемкой и не может быть реализована с помощью методов социологии. В-третьих, исследования связи конкретных форм популярной у подростков деятельности, например, компьютерных игр, с развитием внимания демонстрируют противоречивые результаты, что может быть связано как с индивидуальной спецификой детей и подростков, так и с тем, что внимание в целом — это сложный и многообразный процесс. Так, снижение концентрации внимания может компенсироваться его большим объемом, что характеризует, например, описанный ранее эффект многозадачности.

«Миф» упоминается в зарубежных (США) и отечественных работах и проверяется с помощью работ из разных стран (США, Великобритания, Россия и др.).

Критическое мышление. Вопрос об уровне развития критического мышления у современной молодежи остается, пожалуй, одним из самых сложных для эмпирической проверки. С одной стороны, упоминания о снижении качества мышления, критики, рефлексии у подростков встречаются часто. С другой — используются, как правило, косвенные аргументы, например, «подростки читают меньше книг, а книги, в отличие от медийных технологий, способствуют пониманию сложных идей, рефлексии и развитию критичности» (см., напр. [Twenge, 2017, США; Greenfield, 2009, США]). В обзоре Патрисии Гринфилд [Greenfield, 2009] приводится перечень исследований, доказывающих влияние чтения на развитие мышления, в целом, и критической рефлексии, в частности у детей и подростков, но эти работы охватывают более чем 40-летнюю историю изучения проблемы и таким образом, тема едва ли является чем-то новым. Кроме того, когда наряду с печатными книгами собираются статистические данные по аудиокнигам и электронным документам, оказывается, что американцы 16–17 лет читают не меньше, чем другие возрастные группы, и почти 50% из них читают что-то каждый или почти каждый день и осваивают больше книг в год, чем

опрошенные из возрастной категории старше 30 лет [Zickuhr, Rainie, 2012]. Этот же опрос (в котором приняли участие свыше 6000 американцев) показывает, что все возрастные группы сходным образом оценивают наличие и отсутствие полезной информации в интернете, и примерно 58% американцев 16–17 лет верят в свою способность отделить «хорошую» информацию в Сети от «плохой». Впрочем, исследование британских школьников 2016–2017 гг. показало, что, хотя в целом они прочитали свыше 18 млн книг за год, уровень сложности книг перестает увеличиваться после того, как они переходят в среднюю школу, — таким образом, само по себе занятие чтением еще не означает отсутствие изменений в сфере развития критичности и рефлексии у современных подростков по сравнению со сверстниками из прошлого [Topping, 2018]. Еще один опрос, проведенный в США, показывает, что, вопреки распространенному мнению о некритичности подростков к информации в интернете, они, к примеру, меньше (чем старшее поколение) доверяют рекламным объявлениям (47% против 61%) [Hiebert, 2017]. Однако едва ли все эти опросы дают явное представление о том, как работает или не работает критическое мышление подростка.

Первое издание книги Дайаны Халперн, посвященной критическому мышлению, вышло в 1995 г. В русском издании 2000 г. приводятся данные о том, что только 25% студентов-первокурсников облают навыками, необходимыми для абстрактно-логического мышления. Этот уровень развития мышления необходим для полноценного понимания и анализа абстрактных идей и концепций, полноценного прогнозирования и планирования развития событий и поведения людей. Иными словами, без развитого абстрактно-логического мышления невозможно в полной мере говорить и о развитии критичности. Критическое мышление в книге определяется как «использование таких когнитивных навыков и стратегий, которые увеличивают вероятность получения желаемого результата», а в качестве ключевых факторов для него рассматривается «готовность планировать свои действия, гибкость мышления, настойчивость, готовность исправлять свои ошибки, осознание, наблюдение за мыслительным процессом и поиск компромиссных решений» [Халперн, 2000]. Критическое мышление в книге выступает как некий навык, который должен и может быть освоен (а более ранние исследования, например, работа Д. Китинга 1988 г. [Keating, 1988], указывают на то, что для подросткового возраста освоение навыков критического мышления не является чем-то невозможным, по крайней мере в силу биологических причин). Еще более ранние работы [например, Levine,

Linn, 1977]) показывают, что даже в начале 70-х годов уровень развития логических мыслительных операций достигался лишь у 20% студентов, или, к примеру, 40% учителей физики, что подтверждает, что подобные мыслительные операции всегда представляли некоторые трудности в освоении.

Таким образом, проблема изучения и развития навыков критического мышления стоит перед психологами и преподавателями на протяжении очень длительного времени, и представляется неверным говорить о том, что трудности в освоении мыслительных навыков возникают у подростков только в эпоху цифровых технологий, или что это связано только со снижением объемов чтения (которого, к тому же не происходит). Более того, подростки «поколения Z» не демонстрируют, по крайней мере, на уровне опросов, какого-то излишнего доверия информации, получаемой из тех или иных источников. Однако в целом уровень разработанности этой проблемы в научной литературе едва ли является достаточным для опровержения соответствующего «мифа», равно как и для его подтверждения.

«Миф» упоминается в зарубежных и отечественных работах; его не удастся проверить с помощью данных прямых исследований, косвенные данные приводятся по зарубежным (США и др.) источникам.

3. Личностная и ценностно-смысловая сфера «поколения Z»

Еще одна сложная тема для проверки — личностная и ценностно-смысловая специфика поколения. Согласно положениям самой теории Штраусса и Хоу, именно наличие общих установок и убеждений является одним из условий определения поколения, равно как и чувство принадлежности к нему. В этом плане «миф» о том, что «поколение Z» не считает себя единым поколением, по сути опровергает саму теорию поколений. С другой стороны, как уже упоминалось, в настоящее время «поколение Z» составляют дети, подростки, молодые взрослые. Все эти возрастные стадии характеризуются собственной спецификой интересов и ценностей. Так, сложно обвинять именно современных подростков в индивидуализме, учитывая, что эгоцентрическая направленность (представление о собственной исключительности) — одна из ключевых характеристик данного возрастного периода безотносительно эпохи [Психология подростка, 2003].

Точно так же преобладание среди жизненных ценностей старшеклассников «счастливой семейной жизни», «достижения материального благополучия» и «успешной профессиональной деятельности» характеризовали старшеклассников в 1991 и 1996 гг. [Психология подростка, 2003] — и сходные данные воспроизводятся для подростков 13–16 лет сейчас, с той лишь разницей, что «трудные» подростки демонстрируют несколько большую ориентацию на ценности, связанные с материальным благополучием, в то время как в выборке учащихся из общеобразовательных школ большую роль играют ценности отношений (любовь, семья), но в целом результаты аналогичны более ранним [Подольский, 2012]. В исследовании Л.И. Очировой [Очирова, 2017] также показана связь ценностных ориентаций с принадлежностью к определенной социальной группе: так, для учащихся общеобразовательных школ значимой ценностью действительно является «получение удовольствия», в то время как для учеников гимназий характерно признание ведущей роли общечеловеческих ценностей: любви, познания и т. д. Наконец, диссертационное исследование А.С. Буреломовой показывает, что ценностные ориентации подростков имеют выраженную возрастную динамику (переход к более «прагматичным» ценностям в 7-м и 9-м классах школы); кросскультурную и национальную специфику. При этом изменение ведущих ценностей в период с 1989 по 2010 г. произошло,

однако затронутыми оказались не только ценности подростков, но и их учителей; таким образом, изменение социокультурной ситуации влияет на общество в целом, а не только на ту или иную возрастную группу [Буреломова, 2013].

Что касается профессионального выбора и прагматической ориентации современных подростков, эмпирические исследования дают умеренную поддержку данному «мифу». Исследование профессиональной и образовательной мотивации российских школьников в 2016 год. [Константиновский, Попова, 2016] показало преобладание у учащихся 11 классов мотивации найти престижную и высокооплачиваемую работу, что указывает на прагматический настрой современных российских подростков и их ориентацию на материальные ценности; однако выражена также и мотивация найти работу, соответствующую интересам и склонностям, стремление стать компетентным работником. Практически не выражена в данном исследовании собственно мотивация «нравится учиться», а также формы мотивации, связанные с желанием родителей или стремлением получить отсрочку от армии. Таким образом, по крайней мере в рамках данного исследования подростки демонстрируют серьезное и прагматичное отношение к получению образования и выбору профессии (ведущими факторам здесь являются интерес к специальности и высокая заработная плата). В исследовании учащихся 9 классов из Тамбова [Борисова, Вязовова, 2012] была продемонстрирована высокая мотивация учащихся заниматься предпринимательской деятельностью; также лишь 5% учеников не смогли обозначить свои профессиональные предпочтения вовсе. При этом, однако, учащиеся 9 класса показали низкий уровень развития у них личностных качеств, необходимых для предпринимательской деятельности.

Большинство исследований ценностно-смысловой сферы строятся на заполнении различных психологических методик самими подростками. Другим популярным источником информации являются данные статистики. Согласно данным, приводимым Д. Твендж [Twenge, 2012], современные американские подростки отличаются от своих сверстников из 90-х меньшей вовлеченностью в ранний секс (29% против 38%), они также реже употребляют алкоголь (29% против 56%), меньше работают ради заработка (32% против 63%). Старшие подростки также реже имеют водительские права (73% против 88%), реже ходят на свидания (63% против 86%) и реже оказываются вовлечены в ранние сексуальные отношения (62% против 68% в начале 90-х). Наряду с уже описанными данными, данные американ-

ского опроса подростковых рисков указывают на то, что по сравнению со статистикой 20-летней давности существенно снизился уровень курения среди подростков (с 35 до 11%) и подростковой беременности (с 6% девочек до 2%); до 93% подростков пристегивают ремни безопасности, находясь в машине. В то же время возросли риски, связанные с ожирением и нездоровым питанием (CDC, 2017, США). Отмечается также постоянное снижения уровня насильственных преступлений, совершаемых подростками [Ferguson, 2017, США]. Вопреки мифу о нежелании подростков получать формальное образование, в США снизилось число учащихся, бросающих школу до ее окончания (с 15% в 70-е годы до 6% в 2016 г.) [Child Trends, 2018]. Примечательно однако, что статистические данные могут быть проинтерпретированы двояко. С одной стороны, отказ от вредных привычек и рискованных практик (ранний секс, опасное вождение) можно расценить как опровержение мифа о гедонизме современных подростков — яркие впечатления и удовлетворение сиюминутных желаний безотносительно рисков не является приоритетным. В то же время некоторые авторы отказываются рассматривать эти данные как свидетельство ответственности и самостоятельности молодежи. Напротив, Дж. Твендж в своей работе высказывает мнение о пассивности и инфантилизме подростков: то есть причину снижения рискованного поведения она видит не в адекватной и критической оценке, а в своего рода отказе пробовать новое, рисковать, испытывать яркие эмоции. Оставаясь пассивными, послушными и зависимыми от родителей, современные подростки, по мнению Дж. Твенджа, не получают необходимого жизненного опыта и не приобретают самостоятельность, что делает их неготовыми к взрослой жизни [Twenge, 2012].

Рассмотрим еще одно исследование личностных особенностей молодежи, на сей раз проведенное в Восточной Европе. Группа венгерских ученых [Töröcsik et al., 2014] не смогла выявить среди молодежи своей страны (15–24 года, 2000 испытуемых) единые ценности, которые позволили бы объединить их в одно поколение. Авторы указывают на наличие в выбранной ими группе как представителей «поколения Y», так и «поколения Z» и выделяют в общей сложности 8 групп испытуемых — от активных и планирующих до настроенных гедонистически, эгоистичных и жадных до успеха, а также пассивных и безынициативных. В качестве двух наиболее общих ориентаций авторам удается выделить такие группы ценностных ориентаций, как стремление к материальному благополучию и успеху, а также поиск идентичности (как уже было отмечено, эти черты в целом характерны

для данной возрастной группы безотносительно поколения). Хотя сами авторы работы придерживаются положений теории поколений, полученные ими результаты в некотором роде свидетельствуют о значительных внутрипоколенных различиях, которые опровергают саму концепцию.

Таким образом, на данный момент не выполняется необходимое условие для выделения «поколения Z» — наличие у его представителей общих ценностно-смысловых ориентаций и личностных особенностей. Это может свидетельствовать как о несостоятельности теории поколений в целом, так и о преждевременности выводов — в конце концов, чтобы говорить о поколении, нужно сперва позволить ему сформироваться, достигнуть зрелости. В целом, однако, уже можно говорить о несостоятельности ключевых обвинений в адрес представителей «поколения Z» — ориентация на удовольствия (гедонизм) связана, скорее, с определенными социальными группами, а общие статические тренды в развитых странах говорят прежде всего о снижении тяги подростков к «простым удовольствиям» вроде алкоголя и раннего секса. Подростки могут быть настроены достаточно прагматично в отношении профессиональной деятельности и образования, однако это не значит, что они забывают о «вечных ценностях». И, естественно, они инфантильны, индивидуалистичны и стремятся к успеху потому, что они все-таки подростки.

«Миф» упоминается в зарубежных и отечественных работах; для проверки «мифа» анализируются отечественные и зарубежные исследования (США, Венгрия и др.).

4. Эмоциональная сфера «поколения Z»

Проблема депрессии и тревоги у современных подростков не так часто ставится в контексте «мифов о поколении», однако проблема подростковых суицидов в последнее время на слуху, что делает важным включение этого раздела в данную работу. Указывая на депрессию и риск суицида как черту поколения iGen, Д. Твендж [Twenge, 2017] ссылается на данные статистики: по приводимым ею данным, симптомы депрессии выросли на 21% среди мальчиков и на 50% среди девочек 15–19 лет с 2012 по 2015 г.; а с 2007 г. также втрое возросло количество суицидов среди девочек и вдвое — среди мальчиков 12–14 лет. Суицид занимает 2–3 место в списке причин подростковой смертности, а депрессия является основным фактором риска его совершения ([Thapar et al., 2012] Великобритания). В свою очередь, факторами развития униполярной депрессии в подростковом возрасте являются: семейная история депрессивных заболеваний (в том числе их наследуемость, генетические механизмы которой, однако, пока не изучены); хронический стресс, например, плохие отношения в семье; виктимизация, травля со стороны сверстников. В качестве же факторов, защищающих от развития подростковой депрессии, указываются: высокий интеллект, навыки эмоциональной регуляции, эффективные копинг-стратегии и стили мышления, а также теплые, принимающие отношения в семье и с ровесниками ([Thapar et al., 2012], Великобритания). Исходя из этого, существует возможность установления косвенных связей между усиливающейся ролью цифровых технологий в жизни современных подростков с повышением риска депрессий. Так, избыточное применение смартфонов и компьютеров достоверно связано со снижением качества и количества сна у детей и подростков 8–17 лет, а также с повышением индекса массы тела ([Fuller et al., 2017], США). Недостаток сна является стрессовым фактором и фактором развития подростковой депрессии ([Clarke, Harvey, 2012], США). Избыточный вес является фактором вовлечения в школьную подростковую травлю («буллинг») как в качестве жертвы (и девочек, и мальчиков), так и в качестве агрессора (у мальчиков) ([Griffiths et al., 2006], Великобритания; [Vaccini et al., 2015], Италия). Виртуальное общение также связано с риском травли, но уже в форме так называемого «кибербуллинга». Согласно исследованиям научной группы Г.У. Солдатовой, российские дети и подростки подвергаются кибербуллингу чаще по сравнению с детьми из стран ЕС. При этом жерт-

вами кибербуллинга чаще становятся подростки 13–16 лет, однако более интенсивные негативные эмоции испытывают жертвы 9–12 лет, особенно девочки [Солдатова и др., 2017].

Однако ряд исследований показывают связь между цифровыми технологиями и развитием тревоги, депрессии, стресса даже в отсутствии ситуации виртуальной травли. Так, были установлены положительные корреляции между использованием социальных сетей и показателями депрессии, тревоги и стресса у учащихся колледжей ([Labrague, 2014], Оман). На выборке студентов (средний возраст 19 лет) была показана связь интенсивной игры в компьютерные игры жанра экшн с риском причинения вреда своему здоровью и суицида ([Mitchell, 2015], США). Эти исследования однако не проясняют, ведут ли игры и использование социальных сетей к депрессивной симптоматике, или она сама способствует росту цифровой активности. Попытки установления причинно-следственных связей между депрессией и социальными сетями также предпринимались неоднократно и с переменным успехом: на выборке молодых американцев (средний возраст 20 лет) было показано, что использование Facebook сопровождается прямым снижением двух показателей субъективного благополучия – текущего уровня эмоций и удовлетворенности собственной жизнью в целом [Kross et al., 2013]. На выборке студентов 19–27 лет (средний возраст 24 года) было продемонстрировано, что ситуация социального сравнения выступает в качестве промежуточного звена между использованием социальных сетей с депрессивной симптоматикой: представленные в Сети образы нередко являются отражением «идеального Я» создающих их пользователей и могут повышать самооценку последних, однако они также вносят негативный вклад в самооценку читателей, создавая у них ощущение неуверенности в себе. Иными словами, одной из причин снижения эмоционального состояния при использовании социальных сетей является вольное или невольное сравнение себя с другими в их пользу ([Steers et al., 2014], США). В ряде других исследований, выполненных на подростках в Бельгии (Frison, Eggermont, 2015) и взрослых в США [Escobar-Viera et al., 2018], продемонстрирована связь способа использования социальных сетей с возникновением депрессивной симптоматики. Так, при активном общении, создании записей и т. д. депрессивные симптомы могут снижаться, однако пассивный просмотр страниц других пользователей, скорее, усугубляет негативные эмоции. Впрочем, имеются также данные, опровергающие существование связи между использованием социальных сетей и клиническими проявлениями депрессии у подростков ([Jelenchick et al., 2013], США).

В целом, анализ исследований позволяет говорить о том, что избыточное применение цифровых технологий, характеризующее повседневную жизнь современных подростков, может усиливать тревожные и депрессивные проявления у более чувствительных к стрессогенному воздействию людей. В то же время, статистика не позволяет однозначно говорить о том, что депрессивная симптоматика нарастает только у детей и подростков — в США суицидальные риски за последние десятилетия выросли для всех возрастных групп, кроме людей старше 75 лет [NPR, 2016]; и эффект социальных сетей на субъективное благополучие также проявляется для пользователей самых разных возрастов, как было показано ранее. Младшие и старшие подростки могут в большей степени испытывать на себе негативные эффекты, связанные со стрессорами и изменением процессов социализации в силу из возрастных особенностей: незавершенного развития нервной системы.

Таким образом, представляется целесообразным говорить, скорее, о потенциальном влиянии эпохи цифровых технологий на субъективное благополучие, тревогу и депрессию людей всех возрастов, в особенности подростков, а не утверждать исключительный вклад технологий в развитие подобной симптоматики у «поколения Z».

«Миф» более характерен для западных источников; для проверки «мифа» анализируются преимущественно зарубежные исследования (США, Великобритания, Италия и др.). Тематика кибербуллинга, связанная с негативными эмоциями, широко изучается и в России [Солдатова и др., 2017].

5. Навыки: умеют ли представители нового поколения работать с компьютерами?

Вопрос о том, что современные дети и подростки превосходят и будут превосходить предыдущие поколения (своих учителей и родителей) во всем, что касается использования технологий, был поставлен в работах М. Пренски еще в 2001 г. [Prensky, 2001]. Несмотря на убежденность многих родителей в том, что способность их детей в возрасте 1–2 лет включить планшет и найти в нем то или иное приложение свидетельствует о высоком уровне владения современными информационными технологиями, это не совсем соответствует действительности. Обзорное исследование показывает, что ни поколение родившихся в 80-е, ни поколение, родившееся в середине 90-х — начале 00-х годов не обладает особой грамотностью в отношении технологий, хотя и использует их ежедневно, а утверждение о том, что современные школьники разбираются в технологиях лучше, чем их учителя, все еще является преувеличением ([Kirschner, De Bruyckere, 2017], Голландия, Бельгия). Отечественные исследования также показывают, что цифровая компетентность как «способность индивида уверенно, эффективно, критично и безопасно выбирать инфокоммуникационные технологии... а также его готовность к такой деятельности» [Солдатова и др., 2017, с. 152] по состоянию на 2013 г. была развита на достаточном уровне только у 34% подростков 12–17 лет, у 31% их родителей и у 34% школьных учителей-предметников (среди преподавателей информатики — ожидаемо выше, у 44%) ([Солдатова и др., 2017], Россия).

Таким образом, вопреки распространенному мнению, нет оснований утверждать, что по уровню освоения современных информационных технологий «поколение Z» как-то отличается от поколения своих родителей и учителей. Более того, зачастую учителя значительно больше времени, чем школьники, проводят за использованием технологий и лучше ими владеют [Kirschner, De Bruyckere, 2017].

«Миф» упоминается в зарубежных и отечественных работах; для проверки «мифа» анализируются отечественные и зарубежные исследования.

6. Общение в эпоху цифровых технологий

Ранее уже упоминалось, что одним из важных факторов противостояния депрессии среди подростков является наличие теплых, доверительных социальных контактов. В свою очередь, засилье цифровых технологий среди «поколения Z» может приводить к ослаблению этих социальных связей, что отражено в статистических данных, приводимых Д. Твендж [Twenge, 2012] (современные подростки проводят меньше времени, встречаясь с друзьями и чаще чувствуют себя одинокими, чем 10 лет назад). Дети и подростки более активно пользуются социальными сетями для общения, чем старшее поколение, встречая там, с одной стороны, более простую и доступную коммуникативную среду (по данным Г.У. Солдатовой [Солдатова и др., 2017], более половины подростков 11–16 лет в 2010 г. признавались, что чувствуют себя более общительными в социальных сетях, чем в реальной жизни), а с другой — социальные контакты в Сети рассматриваются теми же подростками как «эмоционально пресные» и лишенные близости [Олькина, Солдатова, 2016]. Только 6% опрошенных для исследования российских подростков 13–16 лет охарактеризовали онлайн-дружбу положительно в эмоциональном плане, и только 8% указали на готовность проявлять доверие в отношении виртуальных друзей. Таким образом, перенос отношений со сверстниками в виртуальный план может быть связан с ослаблением теплых доверительных связей, что в конечном итоге может лишать подростков одного из основных факторов устойчивости к депрессии [там же].

В то же время, хотя виртуальное общение явным образом отличается от реального общения лицом к лицу с точки зрения целого ряда характеристик, некоторые авторы говорят о том, что содержательно онлайн-дружба реализует все те же функции и задачи, что и дружба в реальном мире ([Yau, Reich, 2018], США). Наряду с работами, указывающими на потенциально негативный вклад социальных сетей в чувство субъективно благополучия, обсуждаемые ранее в разделе об эмоциях исследования также показывают, что общение в интернете может — и действительно становится — эффективным источником поиска социальной поддержки ([Utz, Breuer, 2017], Германия). Обзорное исследование Л. Спайз Шапиро и Г. Марголин [Spies Shapiro, Margolin, 2014] свидетельствует, что, согласно большинству работ, виртуальное общение, скорее, позитивно влияет на чувство подростковой принадлежности к группе сверстников, однако наиболее позитивный

эффект достигает для тех подростков, которые и в обычной жизни более общительны и коммуникабельны. Подростки активно используют социальные сети для получения обратной связи в отношении своей личности и идентичности, однако это не подразумевает, что они делятся личной информацией со всеми подряд. Тем не менее, есть и поводы для опасений, некоторые из которых уже рассматривались в данной работе.

Еще одним распространенным риском, связанным с переносом общения в виртуальное пространства, нередко называют снижение эмпатии и социально интеллекта (способности понимать чувства и потребности других) — ключевых факторов в формировании социальных связей. Причинами этого снижения нередко называют агрессивные компьютерные игры ([Gentile et al., 2012], США), возрастающую нагрузку на нервную систему и переизбыток эмоционально нагруженной информации, из-за чего происходит снижение чувствительности ([Смолл, Ворган, 2011], США), цифровой мультитаскинг ([Ophir et al., 2009], США). Исследования уровня эмпатии среди американских студентов действительно показывает снижение по этому показателю с 1979 по 2009 г., ставшее особенно резким после 2000 г. В качестве потенциальных причин, наряду с цифровыми технологиями, авторы называют также изменение стилей воспитания и даже общую установку на достижение успеха ([Konrath et al., 2011], США). В исследовании отмечаются также несколько противоречивые данные о большем вовлечении школьников и студентов в волонтерские движения, а также рост некоторых типов насильственных преступлений, которые могут быть ассоциированы со снижением эмпатии: преступления против меньшинств, случаи побега с места наезда на пешехода и т. д. К сожалению, однако, аналогичные данные для более поздних лет (и относящиеся, таким образом, к «поколению Z», а не общим тенденциям) пока еще не получены.

Наконец, обратим внимание еще на один аспект мифа о постоянном желании подростков быть на связи: бытует мнение, что современная молодежь не способна проводить хоть сколько-то времени наедине со своими мыслями. Действительно, исследования показали, что студенты колледжа в ситуации, когда у них забирали цифровые устройства и письменные принадлежности и давали инструкцию провести 6–15 минут наедине с собственными мыслями, испытывали трудности с концентрацией на собственном внутреннем опыте, негативные эмоции, а при переносе исследования в домашние условия 32% испытуемых не справились с задачей и нарушили правила, включив музыку или телефон. Однако, когда выборка исследова-

ния была расширена за счет людей более старшего возраста, оказалось, что они также не способны справиться с задачей — иными словами, способность получать удовольствие от пребывания наедине с собой и своими мыслями не связана ни с возрастом, ни с уровнем образования, ни с привычкой к использованию цифровых технологий ([Wilson et al., 2014], США).

Таким образом, говоря о специфике общения у современных подростков и молодежи, нельзя отрицать повышение роли социальных сетей и виртуального общения в целом. Это может иметь целый ряд негативных аспектов, таких как снижение эмпатии, способности распознавать эмоции других людей, повышение субъективного чувства одиночества. Однако объемные исследования также показывают, что онлайн-общение не слишком радикально отличается от оффлайн-общения по своим функциям и роли в развитии личности подростка. Представление о том, что современные подростки не могут оставаться наедине с самими собой, также подтверждается лишь отчасти и в той степени, в которой люди в целом плохо переносят одиночество. Социальная сфера «поколения Z» определенно претерпевает изменения, однако их глобальные последствия представляются несколько преувеличенными.

«Миф» упоминается в зарубежных и отечественных работах; для проверки «мифа» анализируются отечественные и зарубежные исследования (США и др.).

7. Подведение итогов

Вернемся к таблице, представленной в начале данной работы, и отметим, насколько, на наш взгляд, были оправданы представленные в ней «мифы» (см. таблицу 2.)

Таблица 2. Мифы о «поколении Z» в контексте существующих исследований

Область исследований	«Миф»	Подтверждается или нет, есть ли свидетельства за или против <i>(в каких странах проводились исследования и с каким результатом)</i>
Когнитивная сфера	Многозадачность	Отчасти подтверждается, однако нет поколенческой специфики: это, скорее, общий тренд как для подростков, так и для взрослых <i>(США, российские авторы используют данные исследований)</i>
	Трудность удержания внимания	Подтверждается одними работами, опровергается другими. Требуется конкретизация того, что подразумевается под вниманием <i>(англоязычные источники (США, Швейцария, Великобритания) — противоречивые данные исследований, методологические споры; Россия — неоднородные данные исследований, возрастная специфика)</i>
	Снижение критичности мышления	Невозможно проверить в связи с недостаточной определенностью критериев критического мышления и методов его измерения <i>(США; данные по другим странам найти не удалось)</i>
Личность	Инфантильные ИЛИ Ответственные	Миф базируется на оценочном характере интерпретации одних и тех же данных. Подростки в целом действительно меньше ввязываются в неприятности, однако авторами это трактуется двояко <i>(США, косвенные данные)</i>
	Прагматичные	Есть отдельные свидетельства в пользу этого утверждения, однако почти нет сравнительных исследований с прошлыми поколениями <i>(Россия, США, Венгрия)</i>
	Индивидуалисты	Скорее подтверждается, но это также свойство подросткового возраста в целом <i>(США, Венгрия)</i>

МИФЫ О «ПОКОЛЕНИИ Z»

	Гедонисты ИЛИ Очень умеренны в своих желаниях	Миф также базируется на оценочной интерпретации, но представление об умеренности современных подростков, скорее, подтверждается (США, Венгрия)
Ценности	Успех	Скорее подтверждается, но это также общая характеристика подросткового возраста (Россия, Венгрия)
Эмоциональная сфера	Депрессивные	Отчасти подтверждается, однако это также общий тренд в современном обществе (США, Великобритания, Италия и др., отдельные темы — Россия)
	Тревожные	Отчасти подтверждается, однако это также общий тренд в современном обществе (США, Великобритания, Италия и др., отдельные темы — Россия)
Навыки	В совершенстве владеют современными информационными технологиями	Опровергается (США, страны ЕС, Россия)
Социальная сфера	Меньше общаются со сверстниками ИЛИ Очень общительны, не могут быть наедине с собой	В указанных формулировках опровергается, но можно говорить о некоторых изменениях в социальных связях, продиктованных развитием новых способов коммуникации (США, страны ЕС, Россия)

Заключение

Многие мифы о «поколении Z» не подтверждаются или подтверждаются частично, с большими оговорками, либо применительно не только и не столько к обсуждаемому поколению, сколько к нескольким поколениям сразу или свойству определенного периода, исторической эпохи. Разнообразие установок и убеждений ставит под сомнение саму применимость термина «поколение» к современным подросткам, если отталкиваться от терминологии Штраусса и Хоу.

Теория поколений в своих основах опирается на исторические процессы и специфику социальных связей. Однако многие черты «поколения Z» в действительности могут быть следствием прохождения определенных возрастных стадий, а не характеристикой эпохи. Таким образом, от проверки «мифов» о поколении становится целесообразным перейти к проблематизации понятия «поколения» и «теории поколений», по крайней мере в ее психологическом аспекте. Многие специфические особенности, приписываемые современным подросткам, не учитывают естественной динамики развития личности, когнитивных функций и даже самого созревания нервной системы, которое, по современным данным, длится значительно дольше, чем полагалось ранее [Arain et al., 2013].

Понятие «поколения» и различные теории поколений раскрывают большую исследовательскую область, позволяют ставить актуальные вопросы, а межпоколенческие сравнения могут быть источником новых знаний (см., например, социологические исследования поколений [Савельева, Полетаев, 1997; Семенова, 2003; Глотов, 2004; Левада, Шанин, 2005; Радаев 2018]). Однако изучение поколений и различные теории поколений принадлежат определенным областям научного знания, и их некритичное перенесение в другие сферы может вести к неверным с точки зрения науки выводам, особенно когда речь идет о прогнозировании будущего. Так, К. Симиллер и М. Грейс [Seemiller, Grace, 2015] указывают на неподготовленность современного образования к нуждам «поколения Z»; но другие авторы говорят о том, что изменение образовательных технологий под полагаемую, однако не доказанную специфику современных подростков только ухудшают качество обучения и снижают его результаты [Kirschner, De Bruyckere, 2017].

Несмотря на то, что представления о межпоколенческой специфике считается ценным инструментом в экономике и маркетинге (см. напр. [Гурова, Евдокимова, 2016]), с точки зрения психологии от слишком большого внимания «мифам» о том или ином поколении может быть больше вреда, чем пользы. Так, уже показано эмпирически, что «мифы» о «поколении Y», безотносительно реальных профессиональных качеств его представителей, отразились на отношении к ним работодателей и коллег, создав эффект «обратного эйджизма», или дискриминацию по отношению к молодым специалистам в США [Raymer et al., 2017; Krieger, 2016]. Учитывая, что большинство мифов о «поколении Z» также носит негативный или нейтральный характер, существует угроза повторения этой ситуации в будущем или других странах.

Кристофер Фергюсон, американский психолог, известный преимущественно борьбой с устоявшимися в обществе представлениями о влиянии компьютерных игр на агрессию детей и подростков, указывает на то, что страх перед младшим поколением, его привычками и характерными чертами, известный так же как «ювенойя» (от *juvenile* и *paranoia*, паранойя по отношению к молодежи), существовал фактически всегда. И сегодня отношение к подросткам и новым технологиям также обретает характеристики так называемой «моральной паники». Под «моральной паникой» подразумевается ситуация, когда шокирующие заявления о чем-либо делают еще до полной их эмпирической проверки. При этом существующие в обществе установки и призывы к изучению затронутых «моральной паникой» проблем только усугубляют ситуацию, в частности, создавая условия для фаворитизма в отношении тех исследований, которые поддерживают выдвинутые изначально предположения, что влияет на вероятность публикации и признания определенных научных работ в ущерб тем, которые показывают противоположные или не показывают никаких результатов [Markey, Ferguson, 2017]. Большинство списков «особенностей молодого поколения» составляются людьми более старшего возраста, которые зачастую воспринимают самих себя как представителей иного поколения (даже если представления о границах этого поколения весьма размыты). Следовательно, взгляды некоторых из них в определенной степени могут быть подвержены описанным выше феноменам. Кроме того, исследования, демонстрирующие наличие тех или иных связей между изучаемыми явлениями, в целом имеют больше шансов быть опубликованными и замеченными по сравнению с работами, не показавшими никаких связей [Markey,

Ferguson, 2017]. Пример этого можно увидеть даже в одной из обозреваемых работ: в статье Анкафер и Вагнера [Uncapher, Wagner, 2017] для некоторых рассматриваемых проблем количество работ с нулевыми результатами составляет примерно половину всех описанных исследований, однако при формулировании выводов больше внимания уделяется тем работам, в которых были обнаружены значимые эффекты. В свою очередь, отдельные яркие исследования нередко становятся поводом для множества публикаций в прессе, однако рассматривать их вне контекста других работ в этой области означает создавать новые «мифы», которые могут иметь непредсказуемые последствия.

Краткое содержание работы: в сфере научно-популярных и популярных представлений достаточно широко распространена апелляция к межпоколенческой специфике, а именно отнесение современной молодежи и подростков к «поколению Z», «цифровым аборигенам», «iGen» — с выделением ряда присущих им свойств и характеристик. Многие авторы предлагают свои границы «поколения» и перечни типичных психологических особенностей современного поколения (зачастую отходя при этом от ряда положений первоначальных теорий). В данной работе такие устойчивые и распространенные представления о поколении современных подростков, претендующие на определенную глобальность и значимость, но плохо поддающиеся эмпирической проверке или не проверенные вовсе, были обозначены как «мифы о поколении Z» (с использованием терминологии теории поколений Хоу и Штраусса, перешедшей, впрочем, в широкий научный и научно-популярный обиход). Было показано, что в рамках психологических исследований большинство таких «мифов» не подтверждаются или подтверждаются частично, а также оставляют пространство для альтернативных интерпретаций (например, в связи с закономерностями возрастных стадий развития, выделяемых психологами). Примечательно, что, несмотря на специфический характер социальных процессов в разных странах, большинство «мифов» о молодежи носят кросс-культурный характер. Исследования также не позволяют говорить о выраженной специфике «поколения Z» — по крайней мере в том, что касается общепсихологических свойств и качеств современных подростков. Представляется, что, с точки зрения психологии, допустимо использование терминов «теории поколений», однако с определенными ограничениями, поскольку недостаточно отрефлексированное и критичное создание и распространение

«мифов о поколении Z» может быть сопряжено с такими негативными социальными последствиями, как избыточная стереотипизация больших социальных групп и формирование необоснованно негативного образа подростков в обществе.

Приложение

Миф 1: “Поколение Z отличает многозадачность”

Многозадачность свойственна людям разных возрастов

Многозадачность, или совмещение нескольких дел, является реакцией на современную среду. Это качество присуще не только подросткам, но и взрослым.

Миф 2: “У современных подростков проблемы с удержанием внимания”

Произвольное внимание у подростков в целом развито хуже, чем у взрослых

Таким образом, миф отчасти подтверждается, но поколенческой специфики здесь нет.

Миф 3: “У поколения Z слабее развито критическое мышление”

Нет данных о потере навыков критического мышления

Утверждение невозможно проверить в связи с недостаточной определенностью критериев критического мышления и методов его измерения.

Миф №4: “Современные подростки особенно депрессивны и тревожны”

Рост доли людей с психологическими расстройствами характерен сегодня не только для подростков

По данным Всемирной организации здравоохранения, доля людей с депрессией и повышенной тревожностью растет во всем мире среди людей разного возраста.

Миф №5: “Поколение Z лучше взрослых владеет современными информационными технологиями”

Современные школьники по уровню освоения информационных технологий почти не отличаются от родителей

Так, есть данные исследований о том, что цифровая компетентность, или способность эффективно выбирать инфокоммуникационные технологии и готовность к такой деятельности, развита примерно у одинаковой доли школьников, родителей и учителей.

Миф №6: “Современные подростки меньше общаются со сверстниками”

Нет данных о том, что современные подростки меньше общаются со сверстниками

Изменились способы коммуникации. Современные подростки активно пользуются социальными сетями для общения. Однако нет достоверных данных о том, что подростки меньше, чем раньше, общаются с ровесниками.

Миф №7: “Представители поколения Z не любят и не могут быть одни и без цифровых устройств”

Не наблюдается различий между людьми разных возрастов в способности переносить одиночество без смартфонов

Так, в одном из исследований людей просили побыть в одиночестве 6-15 минут, не пользуясь телефоном. Подростки испытывали негативные эмоции или нарушали условия эксперимента, однако так же себя вели и люди более старшего возраста.

Миф №8: “Особенность поколения Z — ярко выраженный индивидуализм”

Выраженный индивидуализм — свойство подросткового возраста, а не отдельного поколения

Таким образом, утверждение скорее подтверждается, но оно справедливо не только для современного поколения подростков.

Миф №9: “Поколение Z отличает стремление к успеху”

Стремление к успеху — свойство подросткового возраста в целом

Точно так же, как индивидуализм, стремление к успеху не является уникальной особенностью представителей поколения Z.

Миф №10: “Поколение Z — гедонисты. Они стремятся к удовлетворению сиюминутных желаний и ярким впечатлениям, не оценивая риски”

Тяга к ярким впечатлениям без оценки рисков у молодых людей, наоборот, сокращается, а не растёт

Например, по сравнению со статистикой 20-летней давности существенно снизился уровень курения среди подростков и подростковой беременности.

Миф №11: “Современные подростки прагматично настроены по отношению к образованию, не хотят тратить время на то, что не пригодится им в будущем”

Неизвестно, более прагматичны подростки поколения Z или нет: недостаточно данных

Есть отдельные свидетельства в пользу этого утверждения. Однако почти нет сравнительных исследований, поэтому нельзя говорить о прагматизме как об отличительной черте поколения Z.

Миф №12: “Существует поколение Z, отличающееся как от современников других возрастов, так и от подростков других поколений”

Поколение Z — просто подростки, живущие в современном мире. Слишком рано говорить о них как о специфическом поколении

Некоторые особенности присущи подросткам в целом, а не уникальны для поколения Z. Отдельные характеристики являются скорее реакцией на современную среду и характерны как для взрослых, так и для подростков. Поэтому в настоящий момент нельзя с уверенностью делать выводы о поколенческой специфике современных подростков. Особенности поведения, установок, ценностей могут быть обусловлены средой или возрастом и измениться с течением времени.

Список литературы

- Борисова О.Н., Вязовова Н.В.* Отношение подростков к бизнес-деятельности как условие самореализации личности // Вестник ТГУ. 2012. № 8. С. 186–191.
- Буреломова А.С.* Социально-психологические особенности ценностей современных подростков: дис. ... канд./д-ра психол. наук. Мос. гос. университет, Москва, 2013.
- Глотов М.Б.* Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 42–48.
- Гурова И.М., Евдокимова С.Ш.* Теория поколений как инструмент анализа, формирования и развития трудового потенциала // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. №3 (27). С. 150–159.
- Дьяченко И.П.* Особенности психологического развития поколения «Игрек» // V Международная студенческая научная конференция Студенческий научный форум — 2013. <<https://scienceforum.ru/2013/article/2013007182>>.
- Константиновский Д.Л., Попова Е.С.* Отношение молодежи к образованию в современной России // Общественные науки и современность. 2016. № 1. С. 5–19
- Левада Ю.А., Шанин Т.* (ред.) Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Ожиганова Е.М.* Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. №1 (1). С. 94–97.
- Очирова Л.И.* Исследование ценностных ориентаций развивающейся личности в современных условиях // Вестник БГУ. 2017. №4. С. 157–161.
- Подольский Д.А.* Ценности современных подростков: сравнение различных методов исследования // Образование личности. 2012. № 2. С. 51–58
- Психология подростка. Учебник / под ред. А.А. Реана. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.

- Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.
- Сабанин П.В.* Роль произвольного внимания в умственной деятельности младшего школьника // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2014. №7. С. 43–51.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* Смена поколений // *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 360–371.
- Семенова В.В.* Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Дробижева Л.М. (ред.) Россия реформирующаяся: Ежегодник-2003. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 213–237.
- Смолл Г., Ворган Г.* Мозг онлайн: Человек в эпоху Интернета. М.: КоЛибри, 2011.
- Солдатова Г.У., Олькина (Теславская) О.И.* Дружба в реальном и виртуальном мире: взгляд российских школьников // ACADEMIA. Педагогический журнал Подмосковья. 2016. № 3(9). С. 39–47.
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017.
- Халперн Д.* Психология критического мышления. СПб.: Питер, 2000.
- Что мы знаем о них? 30 фактов о поколении Z // Сообщество внутренних коммуникаторов, 2017. <<https://inside-pr.ru/zhurnal/kommunikatsii/kommunikatsii/item/3585-chto-my-znaem-o-nikh-30-faktov-o-pokolonii-z>>.
- Эльконин Д.Б.* К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6–20.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006.
- Arain M., Haque M., Johal L., Mathur P., Nel W., Rais A., Sandhu R., Sharma S.* Maturation of the adolescent brain // *Neuropsychiatric disease and treatment*. 9: 449–61. 2013. Apr. 03.
- Bacchini D., Licenziati M., Garrasi A., Corciulo N., Driul D., Tanas R., Maria Fiumani P., Di Pietro E., Pesce S., Crinò A., Maltoni G., Iughetti L., Sartorio A., Deiana M., Lombardi F., Valerio G.* Bullying and Victimization in Overweight and Obese Outpatient Children and Adolescents: An Italian Multicentric Study // *PloS one*. 2015. Vol. 10. e0142715. 10.1371.

- Beall G.* 8 Key Differences between Gen Z and Millennials // *Huffingtonpost*, 2016. <https://www.huffingtonpost.com/george-beall/8-key-differences-between_b_12814200.html>.
- Bichell, R.E.* Suicide Rates Climb In U.S., Especially Among Adolescent Girls // *HEALTH NEWS FROM NPR*, 2016. <<https://www.npr.org/sections/health-shots/2016/04/22/474888854/suicide-rates-climb-in-u-s-especially-among-adolescent-girls>>.
- Caulfield S., Ulmer A.* Capacity Limits of Working Memory: The Impact of Multitasking on Cognitive Control and Emotion Recognition in the Adolescent Mind. 2014. <<https://aap.confex.com/aap/2014/webprogram/Paper27323.html>> (abstract) и <<https://www.dailymail.co.uk/news/article-2798930/no-t-listen-texting-research-finds-teenagers-struggle-multitasking.html>> (результаты работы в интервью для Daily Mail).
- Child Trends Databank. High school dropout rates. 2018. <<https://www.childtrends.org/?indicators=high-school-dropout-rates>>.
- Clarke G., Harvey A.G.* The complex role of sleep in adolescent depression // *Child and adolescent psychiatric clinics of North America*. 2012. Vol. 21(2). P. 385–400.
- Cornish D., Dukette D.* The Essential 20: Twenty Components of an Excellent Health Care Team. RoseDog Books, 2009.
- Dye M.W.G., Bavelier D.* Differential development of visual attention skills in school-age children // *Vision Research*. 2010. Vol. 50. P. 452–459.
- Elsworthy E.* Average British attention span is 14 minutes, research finds // *The Independent*, 2017. <<https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/attention-span-average-british-person-tuned-in-concentration-mobile-phone-a8131156.html>>.
- Escobar-Viera C.G., Shensa A., Bowman N.D., Sidani J. E., Knight J., James A. E., Primack B.A.* Passive and Active Social Media Use and Depressive Symptoms Among United States Adults // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2018. Vol. 21(7). P. 437–443.
- Fernholz T.* The pseudoscience that prepared America for Steve Bannon’s apocalyptic message // *QUARTZ*, 2017. <<https://qz.com/970646/the-world-has-already-bought-into-steve-bannons-apocalyptic-ideology/>>.

- Foehr UG.* Media multitasking among American youth: prevalence, predictors and pairings. Kaiser Family Foundation, 2006.
- Frison E., Eggermont S.* Exploring the Relationships Between Different Types of Facebook Use, Perceived Online Social Support, and Adolescents' Depressed Mood // *Social Science Computer Review*. 2015. Vol. 34(2). P. 153–171.
- Fuller C., Lehman E., Hicks S., Novick M.B.* Bedtime Use of Technology and Associated Sleep Problems in Children // *Global Pediatric Health*. 2017. Vol. 4. doi: 10.1177/2333794X17736972.
- Gentile D.A. Swing E.L., Choon G.L., Khoo A.* Video game playing, attention problems, and impulsiveness: evidence of bidirectional causality // *Psychology of Popular Media Culture*. 2012. No. 1. P. 62–70.
- Greenfield P.M.* Technology and Informal Education: What Is Taught, What Is Learned // *Science*. 2009. Vol. 323. P. 69–71.
- Griffiths L.J., Wolke D., Page A.S., Horwood J.P.* Obesity and bullying: different effects for boys and girls // *Archives of Disease in Childhood*. 2006. Vol. 91. P. 121–125.
- Hiebert P.* While not all teens trust advertising, most admit it influences them // *YouGov.com*, 2017. <<https://today.yougov.com/topics/consumer/articles-reports/2017/05/30/us-teens-admit-advertising-influences-them>>.
- Hoover E.* The Millennial Muddle // *The Chronicle of Higher Education*, 2009 <<https://www.chronicle.com/article/The-Millennial-Muddle-How/48772/>>.
- Jelenchick L.A., Eickhoff J.C., Moreno M.A.* “Facebook depression?” social networking site use and depression in older adolescents // *Journal of Adolescent Health*. 2013. Vol 52. Issue 1. P. 128–130.
- Keating D.F.* Adolescence ability to engage in critical thinking. 1988. <<https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED307508.pdf>>.
- Kirschner P., De Bruyckere P.* The myths of the digital native and the multitasker // *Teaching and Teacher Education*. 2017. Vol. 67. P. 135–142.
- Konrath S. H., O'Brien E. H., Hsing C.* Changes in Dispositional Empathy in American College Students Over Time: A Meta-Analysis // *Personality and Social Psychology Review*. 2011. Vol. 15(2). P. 180–198.
- Krieger J.* *Unfairly Labeled: How Your Workplace Can Benefit From Ditching Generational Stereotypes*. Wiley, 2016.

- Kross E., Verduyn P., Demiralp E., Park J., Lee D.S., Lin N., et al.* Facebook Use Predicts Declines in Subjective Well-Being in Young Adults // PLoS ONE, 2013, Vol 8(8): e69841. <<https://doi.org/10.1371/>>.
- Labrague L.J.* Facebook use and adolescents: emotional states of depression, anxiety, and stress // Health Science Journal. 2014. Vol 8 Issue 1. P. 80–89.
- Levine, D.I., Linn, M.C.* Scientific reasoning ability in adolescence: Theoretical viewpoints and educational implications // Journal of Research in Science Teaching. 1977. Vol. 14(4). P. 371–384.
- Lin L.* Multiple Dimensions of Multitasking Phenomenon // International Journal of Technology and Human Interaction. 2015. Vol. 9. P. 37–49.
- Loh K.K., Kanai R.* Higher media multi-tasking activity is associated with smaller gray-matter density in the anterior cingulate cortex // PLoS ONE. 2014. Vol. 9 (9). <<http://dx.doi.org/10.1371/>>.
- Markey P.M., Ferguson C.J.* Moral Combat: Why the War on Violent Video Games Is Wrong. BenBella Books, 2017.
- Maybin S.* Busting the attention span myth // BBC World Service, More or Less, 2017. <<https://www.bbc.com/news/health-38896790>>.
- Mills K.L., Dumontheil I., Speekenbrink M., Blakemore S.-J.* Multitasking during social interactions in adolescence and early adulthood // Royal Society Open Science. 2015. Vol. 2 DOI: 10.1098/rsos.150117.
- Mitchell S.M., Jahn D.R., Guidry E.T., Cukrowicz. K.C.* The Relationship Between Video Game Play and the Acquired Capability for Suicide: An Examination of Differences by Category of Video Game and Gender // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2015. Vol. 18. Issue 12. P. 757–762.
- Multitasking: Switching costs // APA, 2006. <<https://www.apa.org/research/action/multitask.aspx>>.
- Ophir E., Nass C., Wagner A.D.* Cognitive control in media multitaskers // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2009. Vol. 109. No. 37. P. 15583–15587. <<http://www.pnas.org/content/106/37/15583.full>>.
- Premsky M.* Digital Natives, Digital Immigrants Part 1 // On the Horizon, 2001. Vol. 9. Issue 5. P. 1–6.

- Raymer M., Reed M., Spiegel M., Purvanova R.* An examination of generational stereotypes as a path towards reverse ageism // *The Psychologist-Manager Journal*. 2017. Vol. 20. P. 148–175.
- Redick T.S., Shipstead Z., Meier M.E., Montroy J.J., Hicks K.L., Unsworth N., Kane M.J., Hambrick D.Z., Engle R.W.* Cognitive predictors of a common multitasking ability: Contributions from working memory, attention control, and fluid intelligence // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2016. Vol. 145(11). P. 1473–1492.
- Rugenerations — российская школа теории поколений. <<https://rugenerations.su/>>.
- Seemiller C., Grace M.* *Generation Z Goes to College*. San Francisco: Jossey-Bass, 2015.
- Spies Shapiro L.A., Margolin G.* Growing up wired: social networking sites and adolescent psychosocial development // *Clin Child Fam Psychol Rev*. 2014. 17(1):1-18.
- Steers M.-L.N., Wickham R.E., Acitelli L.K.* Seeing Everyone Else's Highlight Reels: How Facebook Usage is Linked to Depressive Symptoms // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2014. Vol. 33(8). P. 701–731.
- Strauss W., Howe N.* *Generations: the history of America's future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow and Company Inc., 1991.
- Thapar A., Collishaw S., Pine D.S., Thapar A.K.* Depression in adolescence // *The Lancet*, 2012, Vol. 379(9820). P. 1056–1067. doi:10.1016/s0140-6736(11)60871-4.
- Topping K.* Teenagers aren't reading enough tough books – here's why that matters // *The Conversation*, 2018. <<https://theconversation.com/teenagers-arent-reading-enough-tough-books-heres-why-that-matters-91932>>.
- Töröcsik, M., Szucs K.* How Generations Think : Research on Generation Z. // *Acta Universitatis Sapientiae, Communicatio*. 2014. Vol 1. P. 23–45.
- Twenge J.M.* *iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy--and Completely Unprepared for Adulthood - and What That Means for the Rest of Us*. New York: Atria Books, 2017.
- Uncapher M.R., Wagner A.D.* Media multitasking, mind, and brain // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Oct 2018. 115 (40) 9889-9896; DOI: 10.1073/pnas.1611612115.

- Utz S., Breuer J.* The Relationship Between Use of Social Network Sites, Online Social Support, and Well-Being // *Journal of Media Psychology*. 2017. Vol. 29(3). P. 115–125.
- Wilson T., Reinhard D., Westgate E., Gilbert D., Ellerbeck N., Hahn C., Brown C., Shaked A.* Just think: The challenges of the disengaged mind // *Science*. 2014. Vol. 345. P. 75–77.
- Yau J.C., Reich S.M.* Are the Qualities of Adolescents' Offline Friendships Present in Digital Interactions? // *Adolescent Research Review*. 2018. Vol. 3. Issue 3. P. 339–355.
- Youth Risk Behavior Surveillance System (YRBSS) // CDC.gov, 2017. <<https://www.cdc.gov/healthyyouth/data/yrbs/index.htm>>.
- Zickuhr K., Rainie L.* Younger Americans' Reading Habits and Technology Use // Pew Research Center, 2014. <<http://www.pewinternet.org/2014/09/10/younger-americans-reading-habits-and-technology-use/>>.

МИФЫ О «ПОКОЛЕНИИ Z»

Богачева Наталия Вадимовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и медицинской психологии Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова (Сеченовский университет).

E-mail: bogacheva.nataly@gmail.com

Сивак Елизавета Викторовна

директор Центра исследований современного детства Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: esivak@hse.ru

Аннотация. В выпуске рассматриваются наиболее устойчивые, распространенные и претендующие на универсальность представления о поколении современных подростков (так называемом «поколении Z»). Цель работы — проанализировать, насколько обоснованы эти представления и выделение современных подростков в отдельное поколение. Показывается, что ряд приписываемых подросткам особенностей (как, например, снижение способности мыслить критически) не подтверждены данными, или же результаты исследований противоречивы; что некоторые особенности присущи подросткам в целом (например, более низкий, чем у взрослых, уровень развития произвольного внимания) и не уникальны для «поколения Z»; что отдельные характеристики являются, скорее, реакцией на современную среду (многозадачность) и характерны как для взрослых, так и для подростков. Таким образом, сегодня нельзя с уверенностью делать выводы о поколенческой специфике современных подростков: особенности поведения, установок, ценностей могут быть обусловлены средой или возрастом и измениться по мере взросления.

Ключевые слова: подростки, теория поколений, «поколение Z».

MYTHS OF GENERATION Z

Bogacheva Natalia

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Medical Psychology of the I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University).

E-mail: bogacheva.nataly@gmail.com

Sivak Elizaveta

Director, Center for Modern Childhood Research, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics.

E-mail: esivak@hse.ru

Abstract. The paper is concerned with the stable, widespread and claiming to be universal ideas about adolescents (the so-called “generation Z”). The purpose of the paper is to analyze how justified these ideas are, and whether it is possible to speak of modern adolescents as a generation. We show that a number of features attributed to adolescents (for example, a decrease in the ability to think critically) are not supported by data, or the research findings are mixed. Some features are inherent in adolescents in general (for example, a lower level of development of voluntary attention than in adults), and are not unique to the “generation Z”. Some other characteristics seem to be more a reaction to the modern environment (multitasking), as they are typical for both adults and adolescents. Thus, at the moment it is impossible to draw final conclusions about the generational specifics of modern adolescents: their behavior, attitudes, and values may be determined by the environment or age and change as adolescents mature.

Keywords: adolescents, generational theory, “generation Z”.

Один из сильнейших университетов страны приглашает на бюджетные места

Институт образования НИУ ВШЭ предоставляет уникальную возможность для профессионального развития и карьерного роста. Образовательные программы построены с учетом научных разработок и изменений в законодательстве. Среди преподавателей — ведущие российские и зарубежные ученые, признанные эксперты-практики российского образования.

МАГИСТЕРСКИЕ ПРОГРАММЫ

Для специалистов по образовательной политике:

- **«Доказательная образовательная политика»**
Академический руководитель — П.С. Сорокин

Для специалистов по измерениям:

- **«Измерения в психологии и образовании»**
Научный руководитель — В.А. Болотов
Академический руководитель — И.В. Антипкина

Для учителей-исследователей:

- **«Педагогическое образование»**
Академический руководитель — О.Д. Федоров

Для управленцев и экспертов-аналитиков:

- **«Экономика и управление образованием»**
Академический руководитель — Савелёнок Е.А.

Период обучения: 2 года

Форма обучения: очная

Для учителей, которые хотят обновить предметное знание и стать конструкторами новых учебных материалов:

- **«Современная политическая наука в преподавании обществознания в школе»** — для учителей обществознания и истории
Академический руководитель — И.Б. Орлов
- **«Современная историческая наука в преподавании истории в школе»** — для учителей истории и смежных дисциплин
Академический руководитель — И.Н. Данилевский
- **«Современная филология в преподавании литературы в школе»** — для учителей русского языка и литературы
Академические руководители — К.М. Поливанов, Е.С. Абельюк

Для руководителей образования, которые стремятся понимать, что и как делать, чтобы развивать свой объект управления:

■ **«Управление образованием»** — для директоров и завучей школ, специалистов органов управления образованием
Академический руководитель — А.Г. Каспржак

■ **«Управление в высшем образовании»** — для руководителей и экспертов-аналитиков высшего образования
Академический руководитель — К.В. Зиньковский

Период обучения: 2,5 года

Форма обучения: очно-заочная

Обучение осуществляется как бесплатно на бюджетной основе, так и с оплатой на договорной основе. Работникам государственных и муниципальных бюджетных учреждений социальной сферы предоставляется 50-процентная скидка на обучение.

Департамент образовательных программ Института образования НИУ ВШЭ:

<https://ioe.hse.ru/masters>

Тел.: 8 (495) 772-95-90 (внутренний 22052)

Моб. тел.: 8 (916) 335-15-58

АСПИРАНТСКАЯ ШКОЛА ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Институт образования НИУ ВШЭ приглашает к поступлению в уникальную для России Аспирантскую школу по образованию. Школа объединяет всех, кто хочет заниматься практическими и фундаментальными исследованиями в образовании, не ограничиваясь рамками традиционной педагогики. Поэтому, помимо тех, кто уже получил педагогическое образование, аспирантура ориентирована на выпускников социальных, гуманитарных, экономических и других специальностей.

Преимущества программы:

- ✓ Практика исследований и возможность трудоустройства с первых дней
- ✓ Степень кандидата наук НИУ ВШЭ об образовании / PhD HSE in Education
- ✓ Междисциплинарная подготовка
- ✓ Зарубежные стажировки по теме исследования
- ✓ Участие в совместных проектах с лидерами мировых рейтингов: Бостонским колледжем, Стэнфордским университетом, Гарвардским университетом, Университетским колледжем Лондона и др.
- ✓ Доступ к уникальным данным международных и российских исследований из баз PISA, TIMSS, TALIS, SERU, IPIPS, PIAAC, МЭО
- ✓ Регулярные презентации новых исследований в сфере образования
- ✓ Доступ ко всем образовательным ресурсам Высшей школы экономики

Школа предлагает две формы обучения:

Академическая аспирантура — для тех, кто хочет полностью сфокусироваться на развитии научной карьеры. Это очная аспирантура «полного дня» с обязательным включением в работу профильного для вас центра Института образования и обязательной стажировкой в зарубежном вузе-партнере. Аспиранты получают стипендию и зарплату аналитика или стажера-исследователя в выбранном центре.

Профессиональная аспирантура — для тех, кто уже нашел себя в бизнес- и управленческих структурах сферы образования. Эта очная программа дает возможность совмещать обучение с занятостью вне стен Института.

Как поступить?

По конкурсу портфолио. Набор проходит два раза в год: с декабря по март и с августа по сентябрь. До подачи документов необходимо выбрать будущего научного руководителя и обсудить тему исследования, подготовить и согласовать его план-проект.

Обучение бесплатное — три года. Иногородним предоставляется общежитие.

Аспирантская школа по образованию:
<https://aspirantura.hse.ru/ed>
Тел.: 8 (495) 772-950-90 (внутренний 22714)

Лицензия на осуществление образовательной деятельности № 2593 от 24.05.2017.
Свидетельство о государственной аккредитации № 1820 от 30.03.2016.

На все вопросы о поступлении и обучении ответит академический директор Аспирантской школы Терентьев Евгений Андреевич:
E-mail: eterentev@hse.ru,
моб. тел.: +7(985) 386- 63-49.

Научное издание

Серия
Современная аналитика образования

№ 1 (22)

МИФЫ О «ПОКОЛЕНИИ Z»

Редактор: И. Гумерова
Компьютерная верстка: Н. Пузанова
Дизайн обложки: Ляля Буланова

Подписано в печать 30.03.2019. Формат 60.84 1/16
Усл.-печ. л. 3,25. Уч.-изд. л. 3,32. Тираж 200 экз.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Институт образования
101000, Москва, Потаповский пер., д. 16, стр. 10
Тел./факс: (499) 772-95-90*22235
ioe@hse.ru

I S S N 2 5 0 0 - 0 6 0 8

9 772500 060006

1 9 0 0 1

>